

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ НРАВСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?

I

Три ответа на вопрос о нравственном прогрессе человечества

Война и революция, с их ужасами и зверствами, снова и снова ставит на очередь вопрос: существует ли нравственный прогресс человечества?

Все попытки ответить на этот вопрос могут быть сведены к трем основным типам. Одни удивленно твердят: с поступательным ходом истории человечество в моральном отношении не только не прогрессирует, но напротив регрессирует, становится хуже, а не лучше. Сообразно с этим, моральный человек был в прошлом, а не в настоящем или в будущем.

Представителями этого взгляда являются ряд мыслителей как прошлых, так и настоящих времен. Отзвуки его даны в ряде космогоний, в частности в Библии. Там мы читаем, что вначале люди были совершенны, как боги, безгрешны, чисты и невинны. Но затем, благодаря проискам искусителя, впали в грех и испортились*. В более позднее время мы встречаем вариации этого же ответа у ряда средневековых мыслителей, еще позже — у Ж.Ж. Руссо, отрицавшего

Публикация статьи П.А. Сорокина «Существует ли нравственный прогресс человечества?» подготовлена М.В. Ломоносовой при участии ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питири́ма Сорокина». ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питири́ма Сорокина» было образовано в 2010 г. с целью сохранения, изучения и распространения теоретического наследия Питири́ма Сорокина. За короткий период деятельности «Центром «Наследие», под руководством его директора — О.Ю. Кузивановой, была проделана огромная работа по изданию трудов Питири́ма Сорокина, а также результатов исследований, посвященных его творчеству. Все издания доступны в электронном виде и представлены на официальном сайте организации: <http://rksorokinctr.org/>. Кроме того, сотрудники «Центра «Наследие» (А.К. Конюхов, А.М. Канев и Е.А. Чипсанова) ведут активную работу по популяризации наследия Питири́ма Сорокина среди молодежи. Отдельное направление работы — координация исследовательской деятельности архивов, музеев и фондов П.А. Сорокина в Республике Коми с аналогичными учреждениями в России и за рубежом. Эта работа приносит свои плоды. Так, например, в 2015 г. «Центр «Наследие» поддержал исследовательские инициативы М.В. Ломоносовой в области изучения фондов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). В итоге в фонде издательства «Задруга» была найдена сохранившаяся рукопись статьи Питири́ма Сорокина 1918 г. «Существует ли нравственный прогресс человечества?» (РГАЛИ, Москва. Фонд издательства «Задруга». Ф. 608, оп. 1, ед. хр. 47, 1918), которую мы предлагаем вниманию читателей. В тексте сохранены некоторые особенности авторской орфографии и пунктуации. Рукописный вариант статьи содержит авторскую корректуру, которая в настоящую публикацию включена частично.

* См. Библию, кн. Бытия.

нравственный прогресс. У Жозефа де Местра и у ряда католических теологов, построивших схему эволюции человека, противоположную схеме Дарвина: вопреки последнему, не человек произошел от обезьяны, утверждают эти мыслители, а наоборот: обезьяна — есть выродившийся человек.

Вторым основным решением поставленной проблемы является теория «шага на месте» или теория круговоротов. Согласно ей, нет ни морального прогресса, ни морального регресса человечества, а есть простое топтание на месте, или прохождение определенного круга. Человечество похоже на белку, которая бежит в колесе, или на роту солдат, делающих «шаг на месте». Когда цикл пройден, человечество снова возвращается к исходному пункту и снова начинает тот же круг, который не раз уже проходило.

Образцом этого взгляда может служить книга Экклезиаста, где эта теория выражена весьма ярко и наглядно. «День приходит, и день проходит, а Земля пребывает вовеки. Восходит Солнце и заходит Солнце и спешит к месту, где оно восходит. Что было, то и будет, что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под Солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это новое. Но то было уже в веках бывших прежде нас»*.

На той же точке зрения стоял и стоит ряд мыслителей позднейшего времени, вплоть до современных. Укажу для примера, на Вико, с его знаменитыми «*ricorsi*» (правда, не абсолютно повторяющимися друг друга), а позднее — на Ницше с его теорией круговоротов («так и быть еще раз» — восклицает Заратустра), на Бланки, на Г. Лебона, с его теорией «качания маятника» (перехода материи в энергию и обратного перехода энергии в материю, — чем и исчерпывается история человечества и всего мира)** и др.

Наконец, третий основной ответ гласит следующее: с поступательным ходом истории человечество прогрессирует не только в умственном, но и в нравственном отношении. Это течение может быть разделено на два основных подвида. Первый из них моральный прогресс признает непрерывным и постоянным. Эта теория непрерывного прогресса, всего ярче развитая Лейбницом в его учении о «предустановленной гармонии» и послужившая основой для выводов, кратко резюмированных в изречении: «Все идет к лучшему в этом наилучшем из миров».

Другой подвид этого течения хоть и признает наличность нравственного прогресса человечества с поступательным ходом истории, но не считает этот прогресс непрерывным и постоянным. Представители его, допуская, что в общем и целом с ходом истории человечество несомненно улучшается нравственно, в то же время говорят, что бывают моменты, десятилетия или даже столетия, когда человечество или часть его не только не идут вперед, но напротив уклоняются от пути морального прогресса или даже идут назад. Едва ли нужно, да едва ли и можно перечислить всех представителей этого течения. Достаточно будет сказать, что это воззрение разделялось и Кондорсэ, и О. Контом, и Спенсером, и большинством позднейших и современных социологов и историков.

Теперь, спрашивается, который же из этих трех ответов правилен?

* См. кн. Экклезиаста.

** См. Лебон. Эволюция материи.

Чтобы систематично ответить на этот вопрос, необходимо условиться в том, что мы понимаем под нравственностью человечества, во-первых, и в чем мы усматриваем нравственное улучшение и нравственный идеал, во-вторых. Очевидно, что без ответа на эти вопросы наше решение будет висеть в воздухе

Говоря кратко, под нравственностью в широком смысле этого слова я разумею: во-первых, ряд норм и правил поведения, указывающих а) рекомендуемое поведение («подвиг»), определяющих б) дозволенно-должное поведение («долг», «право», «обязанность») и запрещающих с) поведение недозволенное («преступление»). Таковы предписания: «люби ближнего», «не укради», «не убий», «плати подати», «добросовестно исполняй свою обязанность» и т. д.

Во-вторых, ряд актов, соответствующих этим нормам или осуществляющих их (акты: спасения ближнего, воздержания от убийства, уплаты податей и т. д.)

Таким образом, нравственность или нравственные явления с этой точки зрения имеют две формы бытия: 1) бытие социально-психическое, данное в виде норм поведения в сознании человека и 2) бытие физическое, данное в форме актов человека, осуществляющих в тех или иных поступках (т. е. в физических актах) эти нормы поведения по адресу себя, других людей и тех или иных адресатов — реальных и мнимых (Бог, душа, дух предка, государство, нация и т. д.)*.

Таковыми нормами, рекомендующими одни акты, указывающими другие, запрещающими — третьи — пронизано все наше сознание. Они даны и наполняют сознание каждого человека (кроме, конечно, моральных идиотов). Они указывают ему, как следует поступить в том или ином случае. Они же являются тем рулем, который управляет поведением человека и, в случае отклонений от нравственного курса, указывают ему его ошибки и преступления. Все акты, диктуемые этими нормами (а таковые в своей совокупности составляют почти всё поведение человека), относятся к области нравственных явлений.

Раз такова область последних, то спрашивается теперь: на основании чего же мы можем судить: улучшается или ухудшается нравственность людей с ходом истории?

Этот вопрос приходится ставить потому, что далеко не все люди и не во все времена наполняли нравственные нормы одним и тем же содержанием. Возьмем пример из наших дней. Я не сомневаюсь, что среди большевиков есть люди, искренне признающие нравственной нормой заповедь: «режь буржуев». С точки зрения многих лиц эта норма «безнравственна». Однако, с точки зре-

* Я здесь считаю излишним входить в рассмотрение вопроса о различии права и нравственности в узком смысле. Это различие для трактовки вопроса не имеет значения, ибо под нравственностью здесь я разумею область явлений, куда входят и правовые, и нравственные явления в узком смысле. Интересующихся я позволю отослать к моей книге «Преступление и кара, подвиг и награда», где они найдут мое деление нравственных актов на три категории: 1) подвиг — награда, 2) дозволение — должный акт и 3) преступление — наказание. Из коих первая категория является тем, что разумеют обычно под нравственными поступками в узком смысле этого слова.

ния данного выше определения, с точки зрения теоретической, такая норма и поступок, ее осуществляющий, несомненно, относятся к области нравственных явлений. Почему? Потому что эта норма по своему строению такова же, как и норма «спасай буржуев»: она норма, то есть правило поведения, она имеет все элементы моральных норм, она для красногвардейца звучит, как категорический императив и т. д.

Другой, конечно, вопрос: хорошая ли это нравственная норма или плохая? Можно ли считать хорошим нравственное явление — акт убивания буржуев — или нельзя? Этим я хочу сказать, что подобно тому, как процесс воспаления легких, хотя и вредный процесс, однако, от этого он не перестает быть физиологическим процессом и не может быть выброшен из области физиологических явлений, так и норма «режь буржуев» и акты убийства последних, быть может, и плохие и вредные акты, но от этого они не перестают быть нравственными явлениями и не могут выкидываться из области последних.

Сказанное тем самым ставит вопрос: какие же нравственные нормы и акты выше и лучше: те ли, которые гласят: «убий ближнего», «насилуй женщин», «кради», «ненавидь человека», «долгов не плати» и т. д., или те, которые говорят: «люби ближнего», «прощай врагам», «не кради», «не прелюбы сотвори» и т. д.

Ответ на этот вопрос очевидно зависит от характера нравственного идеала. Принимая во внимание, что содержание нравственных норм далеко не одинаково в различные времена и у различных народов, что часто и теперь один считает хорошей нравственной нормой и нравственным поведением то, что другой считает отвратительной нравственной нормой и нравственным актом, мы можем ответить на вопрос: улучшается ли нравственность человечества только тогда, когда мы определим наш нравственный идеал. Характером этого идеала обуславливается и характер ответа на поставленный вопрос.

Если кто-либо нравственным идеалом считает человека, руководствующего в своем поведении нормой: «люби ближнего», «отдай душу свою за друга своя», то, очевидно, что на поставленный нами вопрос он ответит положительно только в том случае, если с поступательным ходом истории поведение и мораль людей становятся всё более и более альтруистическим, и ответит отрицательно, если усмотрит, что с поступательным ходом истории альтруистическое поведение уменьшается.

Если же кто-либо нравственным идеалом считает человека-убийцу, ненавидящего людей и считающего высшей нравственной нормой: «ненавидь ближнего», «убивай людей», «вреди им», то, очевидно, прогресс нравственности он усмотрит только в росте ненависти и взаимоистребления. Если с ходом истории этот рост ненависти будет дан — он скажет: нравственный прогресс существует, если же будет дан рост альтруизма, он скажет: мораль человечества регрессирует.

Отсюда видно, что решение вопроса о нравственном прогрессе человечества обуславливается характером нравственного идеала.

Теперь спрашивается, какой же нравственный идеал правилен, «истинен», или лучше: тот ли, который основной нормой выставляет принцип действительной любви друг к другу, или тот, который таким принципом считает действительную ненависть людей друг к другу?

Чуть не все моралисты говорят, что теоретически правилен первый.

Я не могу согласиться с этим и должен сказать, что теоретически ни тот ни другой не доказуемы. Оба они одинаково истинны и одинаково ложны, ибо оба стоят вне плоскости истины, вне плоскости науки.

Это положение следует признать и установить.

Но было бы большой ошибкой сделать отсюда вывод, что и практически оба эти идеала могут претендовать на одинаковое значение. Если бы действительно все люди в основу своего поведения положили идеал действенной ненависти и взаимоистребления, то, очевидно, человеческое общество не могло бы существовать: оно бы погибло. Вот почему основы морального кодекса у всех людей, всех времен и народов были одинаковыми, и в основе всех их лежал принцип взаимной помощи, альтруизма и социально-полезного поведения, а не обратные заветы.

Легко понять, что только тогда, когда дан хотя бы минимум социально-полезного, альтруистического поведения, только при этом условии любое общество может существовать. Если же этого минимума нет, если все люди стали бы убивать, грабить, насиловать, красть, мошенничать и т. д., то, очевидно, такое общество существовать и развиваться не могло бы.

Вот почему идеалом нравственного поведения было, остается и будет оставаться поведение альтруистическое, поведение социально-полезное, преследующее благо ближних и общества, поведение, высшим принципом которого служит завет беззаветной, живой любви к ближним.

Этот же идеал беру я в качестве критерия нравственного прогресса или регресса. Если с поступательным ходом истории окажется, что поведение человечества больше и больше приближается к этому идеалу — я скажу, что нравственный прогресс существует, если же это поведение с ходом истории отдалается от него, я скажу, что нравственного прогресса нет, а есть нравственный регресс; если, наконец, нет ни удаления, ни приближения к тому идеалу, мы должны будем сказать, что правильна теория «шага на месте».

Но раз мы дошли до этого положения, перед нами сразу же встает новый вопрос: как и чем мы можем измерить увеличение или уменьшение социально-полезного, альтруистического поведения? Где необходимый нам объективный аршин?

Такой объективный аршин нужен, ибо без него наши произвольные *пункты* лишены научной ценности.

Если не прямо, то косвенно должен быть найден объективный «моральный термометр», пользуясь которым, мы могли бы сказать: увеличивается или уменьшается с ходом истории социально-полезное, альтруистическое поведение в человечестве. Задача трудная, но, думаю я, не невозможная. В качестве такого морального термометра можно указать четыре основные критерия, дающие возможность объективно измерить количественный и качественный рост или уменьшение альтруизма и любви в поведении людей и обществ.

Первый из них дает возможность измерить количественное увеличение или уменьшение альтруистического, социально полезного поведения. Представим себе два совершенно тождественных общества. Нормы морали и поведения

членов первого из них диктуют социально-полезное поведение только по адресу членов данного общества, напр., 1000 человек. По адресу же всех людей, кроме этих тысячи, они допускают всё, что угодно: и убийства, и насилия, и преступления и т. п.

Теперь представим себе точное такое же общество, но с тем различием, что мораль этого общества требует альтруистического, социально-полезного поведения не только по адресу своих членов — 1000 человек, — но и по адресу других людей и обществ, напр., по адресу 10 миллионов людей.

Спрашивается теперь, одинакова ли будет количественно величина «альтруистической энергии» в том и другом обществе? Очевидно, что нет. Очевидно, что количественная величина альтруистической энергии во втором обществе будет в столько раз больше, во сколько 10,000,000 больше 1000.

Отсюда вывод, если с поступательным ходом истории мы увидим это количественное увеличение альтруизма, в виде увеличения числа лиц, по адресу которых требуется социально-полезное поведение, это будет первым доказательством нравственного прогресса человечества.

Ясно, однако, что «альтруистическая энергия» должна быть измеряема не только количественно, но и качественно. Альтруизм и любовь имеют разные степени интенсивности, начиная от незначительной услуги, в виде уступки места соседу в трамвае, и кончая актами самопожертвования для блага ближнего.

Спрашивается, как же измерять качественную сторону, интенсивность альтруизма?

Представим себе опять два одинаковых общества. Предположим, что *ceteris paribus*, в первом обществе богачи должны платить 1 % своих доходов в пользу бедных, во втором же 65 % в пользу последних. При прочих равных условиях такая разница свидетельствует о том, что во втором обществе больше взаимного сострадания, готовности оказать помощь сочеловеку, короче, здесь альтруизм качественно богаче, глубже, интенсивнее.

Таков один из способов для измерения интенсивности альтруистического поведения. Он приложим к ряду областей человеческого поведения и дает указания для решения вопроса.

Если мы усмотрим в процессе истории повышение требований альтруистического поведения не только количественно, но и качественно (требование большей солидарности, большего сострадания, большей взаимопомощи, более бережного и любовного отношения к ближним) — это будет вторым свидетельством в пользу нравственного прогресса человечества.

Наряду с ним есть, однако, и другой косвенный способ для решения этого же вопроса. Представим себе двух комиссаров или две семьи (тождественные). Предположим, что оба комиссара не берут взятки и в обеих семьях царствует порядок (дети почитают родителей, родители не изменяют друг другу). Но допустим, что первый комиссар не берет взятки и супруги не изменяют друг другу не потому, что они этого не хотят, что всякие взятки или измена противны их совести, а потому, что они боятся суровых кар (напр., смертной казни), которые висят над ними. Предположим теперь, что второй комиссар не берет взятки или супруги не изменяют друг другу не потому, что боятся кар, а потому, что их

«совесть» не позволяет им делать этого: они во имя чистого долга не хотят совершать таких поступков.

Едва ли нужно говорить, что мораль последних качественно гораздо выше морали первых. Вывод из сказанного таков: если одинаковая степень социально-полезного поведения у двух ли людей или обществ в одном случае добивается путем воздействия кар и наград, а в другом — без них, то отсюда следует, что во втором случае люди гораздо более социально-воспитаны, их альтруизм качественно выше, они нравственно более совершенные, чем первые. Отсюда же следует, что эта качественная разница альтруистичности тем больше, чем больше расстояние между жестокостью и обилием кар в том и другом случае. Если поэтому, изучая ход истории, мы увидим постепенное падение наказаний и наград, как способов принуждения людей к общественно-полезному поведению при отсутствии повышения уровня последнего, то это будет свидетельством качественного прогресса нравственности.

Если же при этом уровень требований социально-полезного поведения будет расти — это будет свидетельствовать о росте нравственности в квадрате. Таков третий аршин для измерения качественного роста социально-полезного поведения.

Частным его видом является «четвертый аршин» — аршин свободы и принуждения. В частной жизни лица, поведение которых внушает некоторые сомнения в силу ли их неразумности или недостатка социального воспитания, обычно ставятся под опеку, под контроль и под принудительную власть тех или иных лиц. Дети отданы под опеку родителей, старших, нянек, бонн и учителей, лица с преступными склонностями, — под опеку надсмотрщиков и т. д. Таким лицам «не доверяют». На их добрую волю не рассчитывают. По мере того, как дети растут и становятся более разумными, по мере того, как «неблагонадежные» исправляются, пресс опеки становится легче и в конце концов совсем отпадает. Так постоянно происходит в частной жизни. То же должно происходить и в истории человечества, если только поведение последнего становится лучше в смысле роста социально-полезных альтруистических тенденций.

Если поэтому мы усмотрим, что без понижения уровня социально-полезного, альтруистического поведения груз опеки, несвободы и принуждения постепенно падает — падает и количественно — в смысле увеличения числа лиц и общественных групп, свободных от опеки, и качественно — в смысле ослабления тяжести и строгости самой опеки и принуждения, — это будет четвертым критерием, говорящем объективно о нравственном прогрессе человечества.

Таковы вкратце основные объективные критерии для решения вопроса, становятся ли люди более альтруистичными и поведение их более и более социально-солидарным, или нет, существует ли нравственный прогресс человечества или не существует.

Установив предыдущие положения, теперь я отвечаю, что из всех трех ответов на поставленный вопрос правилен тот, который гласит: нравственный прогресс человечества существует.

Хотя он и не непрерывен, хотя и бывают временами уклонения и повороты назад, хотя он идет страшно медленно и стоит колоссальных жертв, но все же он дан, все же основная дорога человечества идет по направлению нравствен-

ного прогресса. Таков мой ответ на поставленный вопрос. Я знаю, что наше время, наполненное кровью, убийством, преступлениями и зверствами, мало благоприятствует такому «оптимизму». Я знаю, что сейчас многие усомнились в нравственном прогрессе. Не все ли поругано? Не все ли потоптано? Где ценности социализма? Где Родина? Где честь и совесть людей? Не живем ли мы в мире зверей, совлекших с себя образ человека?

Я знаю все это и, однако, считаю свой ответ правильным. Сейчас мне вспоминается великий Кондорсе. Не в такой ли же атмосфере крови, ужаса и зверства жил он в течение последних семи месяцев его жизни во время Великой французской революции. Преследуемый, принужденный скрываться от своих палачей и гильотины, под угрозой смертной казни, он писал свой знаменитый «Эскиз картины прогресса человеческого разума». Ужасы окружали его, ему ежеминутно грозила гильотина и, однако, великая душа Кондорсе не ослепла от этих ужасов и нашла в себе силу увидеть великую дорогу прогресса.

Именно в этот тяжелый момент он пишет свой гимн прогрессу в виде своей «Картины прогресса».

Пусть этот великий пример будет перед нашими глазами. Если указанные критерии верны, если исторический процесс на основании этих критериев будет свидетельствовать о росте социально-полезного поведения и альтруизма, то мы обязаны ответить на поставленный вопрос положительно, несмотря на все ужасы наших дней.

К краткому обзору исторических тенденций я и перейду теперь.

II

Выше я указал критерий количественного роста альтруизма. Спрашивается, наблюдается ли в истории увеличение числа лиц, по адресу которых требуется социально-благожелательное, альтруистическое поведение? Ответ будет положительным. Да, наблюдается. Этот закон в социологии известен под именем Закона расширения социально-замыренных кругов или Закона расширения идеи ближнего. Сущность его такова. В древности минимум социально-благожелательного поведения требовался не по адресу всех людей, а только членов своего общества (тотема; рода, племени). По адресу остальных людей, чужеземцев допускалось и даже рекомендовалось самое злостное поведение: и убийство, и насилие, и кража, и др. преступления. Недаром в древности слово «чужеземец» означало врага (римское: *hostis*). Число членов первобытных групп, по исчислению Сутерланда, равнялось 40–360 человекам. Значит, от дикаря социально-благожелательное поведение требовалось только по адресу 40–360 человек. По адресу остальных он был волен делать все, что ему угодно. В дальнейшем вместе с расширением общества, расширяется и число адресатов альтруистического поведения. Общества варваров уже насчитывают от 6,500 человек; до 442,000, по адресу которых не допускается социально злостное поведение. Общества цивилизованных народов охватывают от 4,200,000 до 70,000,000 с лишним миллионов человек*. Рост этих

* См. Сутерланд. Происхождение и развитие нравственного инстинкта. 1900. 382 стр.

цифр означает и рост числа адресатов, по адресу коих требуется социально-полезное поведение, т. е. количественный рост альтруизма.

Современное моральное сознание «ближними» считает уже всех людей.

Сказанное, думаю я, делает совершенно бесспорным количественный рост альтруизма с поступательным ходом истории. Теперь посмотрим, как дело обстоит с ростом качественным? Мы уже видели, что показателями его могут быть: 1) падение в обществе наказаний и наград, 2) улучшение и облагораживание средств, посредством которых добивалось и добивается социально-полезное, альтруистическое поведение от людей, 3) убывание несвобод и опеки над людьми и 4) прямые факты роста альтруизма в глубину, наблюдающиеся с ходом истории*.

Степень жестокости кар, а равно и число лиц, подвергаемых каре, стоит в обратной пропорции со степенью приспособленности человека к социальной жизни. Социальная жизнь требует известной координации взаимного поведения членов группы. Если бы этой координации не было, то социальная жизнь превратилась бы в непрерывную борьбу всех против всех, итогом которой, очевидно, было бы или распадение группы, или ее полное уничтожение. Конечно, если бы человек с самого начала своей истории был ангелом, который «по своей природе» способен был бы поступать только социально-полезно, т. е. согласно обязательным нормам поведения, вырабатываемым бессознательно самой жизнью, — тогда, конечно, кары были бы не нужны и излишни. В этом случае они бы даже и не могли появиться. Но ясно, что такое представление о человеке, в особенности о первобытном человеке, есть миф, нисколько не соответствующий действительности. Люди начали свою историю не «ангелами», а звероподобными существами. Выйдя из животного состояния, обладая, с одной стороны, еще чисто зверскими инстинктами, а с другой — уже неся в себе элементы сознания, человек в своем поведении не мог руководиться одними инстинктами, так как они подтачивались разумом. Их сложный и сам по себе стройный механизм, благодаря чересчур быстрому росту разума, был нарушен. Но, с другой стороны, и разум не мог встать на место бессознательно-удачного инстинктивного механизма: он был еще слишком слаб, чтобы мочь сразу уничтожить многовековые инстинкты и заменить их сознательно выработанными правилами поведения. Таким образом, с самого начала своей истории человек очутился лицом к лицу с труднейшей задачей: жить в обществе себе подобных, не обладая предварительно выработанными социально-полезными импульсами поведения.

Мудрено ли потому, что конфликты взаимного поведения появились, мудрено ли, что внутри и внегрупповая борьба, вызванная нарушением запретов, вспыхнула и на первых порах приняла самые острые и кровавые формы? При таких условиях появление «кар» было неизбежно. Удаляя путем убийства нарушителей запретов, — с одной стороны, устрашая самыми жестокими пытками

* В нижеследующем я ограничиваюсь лишь самым кратким фактическим материалом. Более подробную трактовку читатель найдет в моей книге «Преступление и наказание, подвиг и награда», к которой я его и позволю отослать.

ми и смертью, — с другой, вызывая чувство единодушного негодования, презрения и морального осуждения среди неприступной группы — с третьей — кары были тем «клеем», который склеивал и прочно скреплял узы солидарности, углублял социально-требуемые импульсы поведения и искоренял призывы антисоциального характера. Неисчислимы жертвы, самые ужасные наказания и бесконечные страдания нужны были для того, чтобы приспособить человека к общественному бытию. Пришлось одним «унавоживать» собой дорогу прогресса, чтобы другие могли пройти по этой дороге. Нужно было выстроить из черепов одних пирамиды, из их трупов — гирлянды, из их страданий — предмет забавы, чтобы другие могли жить в мире и согласии. Нужны были убийства, чтобы понять их недопустимость, нужны были зверства и жестокости, чтобы сделаться гуманными и воспитать в себе сострадание и любовь. Одним словом, нужны были беспощадные кары, чтобы в дальнейшем люди могли жить в обществе себе подобных без всяких кар. По мере того, как укреплялись в них социально-полезные импульсы поведения — по мере того кары, необходимые сначала, должны были исчезать. Фактическое изучение истории кар вполне подтверждает этот закон: беспощадные вначале кары, в дальнейшем, по мере все большего и большего приспособления человечества к социальному бытию, постепенно смягчаются, становятся все более и более мягкими и гуманными.

Наряду с этим падением качественной жестокости кар, происходит и количественное падение их: кары начинают поражать все меньшее и меньшее количество людей. Таким образом, закон падения давления кар может быть понимаем как закон и качественного, и количественного падения наказаний.

Что действительно, кары вначале были не ограничены и по качеству, и по количеству — это видно из рассмотрения кровной мести, как начальной стадии в развитии наказаний. Изучение этого института показывает, что никаких границ наказанию за нарушение запретов не положено. Безличный законодатель как бы говорил каждому: «берегись, не нарушай запретов, иначе — погибнешь с великими мучениями ты сам и род твой и все твои потомки». Мало того, что индивиду самому угрожала беспощадная смерть, она же угрожала за его преступления и всем членам его рода, живым и не родившимся («коллективная кара»), безразлично — участвовали ли они в нарушении запрета или нет. Таким образом, неограниченное по жестокости мотивационное давление кары усугублялось еще добавочным давлением — обещанием наказания всем родичам виновного. Сказанное об институте кровной мести единогласно подтверждают почти все исследователи.

По отношению к членам своей группы она иногда заменяется исключением виновного из последней (*Ausstossung* и *Friedlosigkeit*).

Такова первая стадия кар, поистине неограниченных по своей интенсивности. Дальнейшая их история показывает постепенное ограничение этой жестокости, смягчение или падение мотивационной неумолимости и беспощадности. Это ограничение появляется в различных формах: например, в форме установления убежищ, куда могли скрываться лица, которым угрожала месть; такими местами были обычно храмы, или особые места, на которые распространялся «королевский мир» и т. д. Другой формой этого же ограничения

является установление срока, в течение которого можно было мстить. Так, например, у германцев можно было мстить в течение года со дня после оскорбления.

Главнейшим же видом ограничения кар является закон талиона, установивший равенство между преступлением и наказанием. Историки права по справедливости считают закон талиона новой стадией в развитии кар. Раньше на предыдущей стадии убийство в качестве мести угрожало не только за убийство, но почти за всякое нарушение запрета. Исав, например, хотел убить Иакова за то, что он обманом получил право первородства. По «Русской Правде», мстить убийством можно было не только за убийство, но и за кражу, нанесение ран. Талион же предписывает равенство преступления и кары.

Он гласит: «Око за око, душа за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу. Какой кто сделает вред ближнему своему, тем должно отплатить ему»*.

Несмотря на всю свою жестокость с нашей точки зрения, закон талиона был, однако, громадным шагом вперед в смягчении и ограничении жестокости наказаний. Благодаря этому закону, безграничная месть вводится в строго определенные границы, смерть все чаще и чаще заменяется другими видами наказаний, менее ужасными и опустошительными.

Если далее взять историю самого талиона, то она наглядно показывает тот же закон падения жестокости кар. Вначале талион — долг, и осуществление его повелительно приказывается («обязательный» талион). Но потом мало-помалу «талион должный» превращается в талион факультативный: он уже не предписывается, а только допускается, терпится.

Наконец, заключительным звеном всей этой до государственной (в узком смысле) стадии развития является система композиций, т. е. денежного выкупа. «Потерпевший получал что-либо ценное вместо бесполезной мести, его гордость вместе с тем удовлетворялась признанием вины со стороны преступника, общество выигрывало от этого в том, что беспорядкам и стычкам полагался конец»**. Система композиций была водой, которая заливала готовый вспыхнуть огонь борьбы и мести.

Итак, кратко очерченная выше, история развития кар гласит: от неограниченной мести — к талиону, от обязательного талиона — к факультативному, от обязательной мести — к допускаемой, от разрешаемой мести — к системе композиций и прощения. Таково первое подтверждение вышеуказанного закона. Если теперь перейти от указанных явлений к истории государственных систем наказания, то и здесь мы увидим подтверждение этого же закона. Основная линия, несмотря на временные повышения (об этом см. ниже) и здесь остается той же, т. е. и она говорит о той же тенденции падения качественной интенсивности кар. Здесь нельзя не согласиться со следующим тезисом Дюркгейма:

* Второзаконие. Гл. 19.

** Черри. Op. cit., 45. Подробности замены мести композициями см. у Штейнмеца (цит. соч.), т. 1, стр. 407—476, а также в работах Макаревича, Ковалевского, Цестермарка, Поста и т. д.

«Наказания, лишаящие свободы и только одной свободы на различные периоды в зависимости от тяжести преступлений, стремятся все более и более сделаться нормальным типом репрессии»*. Древность лишения свободы не считала за наказание. Оно для того времени было лишь простым средством, лишаящим преступника возможности скрыться.

В виде наказания же фигурировала смертная казнь, обычно в различных квалифицированных формах: вытягивание кишок, сожжение, разрывание на части, заливание горла металлом и т. д.; другими видами кары были такие «изобретения», как отрезание уха, носа, половых органов, отсечение руки, ноги, выкалывание глаз, сдирание кожи, причинение ожогов, подставление голого черепа под капли холодной воды, раздробление костей, вбивание гвоздей в тело и т. д. Всего, что изобрел человеческий ум в этой области — не перечислить**.

Теперь все эти виды мучительных и увечающих кар исчезли из обихода карательной практики. Только уголовные музеи хранят остатки этой человеческой изобретательности. Мысль законодателя теперь обращена не на то, чтобы причинить преступнику возможно большие страдания, как это было раньше, а на то, как бы избавить его от них. Поэтому неудивительно, что почти единственным видом кары сделалось лишение свободы. Но и сама история наглядно говорит о том же смягчении кар: вместо старых «ям» и «клоповников», на воротах которых, по словам И.Я. Фойницкого, можно было начертать слова отчаяния: «lasciate ogni speranza, voi ch'entrate» (оставьте всякую надежду те, кто сюда входит), мысль современного законодателя все более и более стремится превратить тюрьмы в больницы или в гостиницы «со всеми удобствами»***. Мало того, такие институты, как институт условного осуждения и досрочного освобождения, стараются ограничить и <слово неразборчиво> период лишения свободы и довести, таким образом, кару до возможного минимума. Если же принять во внимание те репрессии, которые назначают в наше время в связи с проблемой борьбы с опасным состоянием, то не будет парадоксом положение, что кары постепенно стремятся дойти до нуля и что современная уголовная наука, а вслед за ней и право, направлены не столько на борьбу с преступником, сколько на защиту преступника от тирании общества****.

Резюмирую: и государственная история кар говорит о той же тенденции; она гласит: от безгранично-жестоких и зверских убийств, от мучительно-увечающих кар — к бесстрадательному изолированию преступника от общества, лишению его возможности совершать преступления и к заботе о том, чтобы преступники были избавлены от всяких душевных и физических страданий.

* См. Durkheim E. Deux lois de l'evolution penale. L'annee sociologique. 4-eme annee, p.78.

** Много материала дает в этом отношении Helbing. Die Tortur. т. I. и II. и Ч. Ли: История инквизиции. т. I. и II.

*** См. работу Негг'а об американских реформаторах.

**** См. по этому поводу брош. проф. А.А. Жижиленко: Социальные меры защиты; ст. В. Станкевича: «Борьба с опасным состоянием» (в «Новых идеях в правоведеении» сб. I); там же приведена и главная литература по этому вопросу.

Такова в широких мазках общая история наказаний и основная тенденция падения их жестокости; жестокость является перманентной величиной, стремящейся к нулю, как к своему пределу.

К тому же выводу придем мы, если рассмотрим кратко тенденцию постепенного ограничения числа караемых лиц по мере роста культуры и цивилизации. И эта тенденция является прямым подтверждением выставленного закона нисходящей прогрессии мотивации. Смысл этого явления говорит о том же, о чем говорила и тенденция падения интенсивности кар; а именно: там, где социально-вредные импульсы были еще сильны, где человек еще не был существом, приспособленным к социальной жизни, там недостаточно было беспощадного и жесткого давления кар на одного преступника; чтобы добывать от индивида социально-полезное поведение, нужно было еще добавочное давление в виде угрозы карать не только виновника, но и весь его род и все его потомство. Отсюда — институт круговой или групповой ответственности, которые существовали в прошлом почти у всех народов. Кары здесь неограниченны и по количеству караемых лиц. На первичных ступенях, говорит Колер, «месть наступает всегда, независимо от того, намеренно или случайно было совершено убийство, и направляется не только против убийцы, но и против его семьи или рода»* — коллективная ответственность.

Круговая ответственность, коллективная кара и коллективный штраф известны и евреям, и римлянам, и грекам, и германцам и в роду других народов**. Караются не только современники, но наказание постигает и ряд будущих, еще не родившихся поколений. Наказания становятся «вечными» и поражают множество лиц за одно преступление. По Библии, весь род человеческий наказывается за грех одного Адама; там же мы читаем, что дети и потомки виновного наказываются до 7-го колена, а Иегова постоянно грозит «всему потомству». То же мы найдем и в других древних сводах. «Если наказание не падет на самого преступника, то падет на его сыновей», читаем мы в «Законах Ману»; если не на сыновей, то на его внуков; но раз совершено беззаконие никогда не останется без последствий для того, кто совершил его, «он погибает со всем разветвлением и корнем». То же встречаем и у других народов.

В дальнейшем, однако, мало-помалу появляется это разделение виновных и невинных, возникает принцип вменяемости и караться начинают уже не все сородичи, а только виновные. Наказание индивидуализируется. Из круга наказываемых лиц исключаются мало-помалу: а) все будущие поколения, как непричастные к преступлению, в) все живые сочлены, как невинные, с) все невменяемые, хотя и совершившие преступление, d) наказываются в итоге только «преступники вменяемые». Но и область самого контингента вменяемых лиц все более и более суживается: все больше и больше растет число обстоятельств, ведущих к не вменению — состояние аффекта, малолетство, безумие, необходимая самооборона, краткая необходимости, опьянение, лунатизм и т. д.

* Kohler. Ibid., 9; см. также Steimetz. Ibid, т. II, гл. Die Blutrache, т. I, 318–334; Пост. Зачатки государствен. и правовых отношений. 1901, 107–111.

** Mayer. Geschichte der Stafrechte, 49–50, 142–147.

Конечным пунктом этой эволюции является полное уничтожение категорий «вменяемых», провозглашенное антропо-социологической школой, а вместе с этим и полная трансформация карательных мер, проповедуемая в наши дни и стремящаяся уничтожить в карательных мерах все карательные черты.

В этом смысле вещими являются слова Ван-Гамеля, кажущиеся с первого взгляда парадоксальными: «Три понятия, — сказал он — страшно мешают нам в создании нового уголовного права; а именно: “вменяемость”, “наказание” и “преступление”. Когда мы наконец от них освободимся, тогда все пойдет лучше». Эти слова необходимая и неизбежная точка над «i», диктуемая историческим процессом. Кратко эту тенденцию можно формулировать так: «от коллективной кары к индивидуальной и от неограниченной вменяемости к неограниченной невменяемости, т. е. доведению количества караемых лиц до возможного минимума».

Принимая во внимание сказанное выше о социальной роли кар, мы на основании установленных законов можем теперь сделать обратное заключение: если жестокость кар обратно пропорциональна степени приспособленности индивида к социально-полезному поведению, то из того факта, что с поступательным ходом истории жестокость кар падает, следует, что степень приспособленности человека к социально-полезному поведению растет; когда кары дойдут до нуля — степень приспособленности человека к социально-полезному бытию дойдет до высшего предела.

Значит, с точки зрения этого критерия нравственный прогресс человечества несомненен.

К тому же выводу мы придем, рассматривая исторический процесс с точки зрения тех средств, путем которых от человека добивался минимум социально-полезного поведения. Эволюция этих средств говорит, что они с процессом истории становятся все более и более благородными и менее грубыми. Это облагораживание средств можно кратко схематизировать в виде закона трех стадий: первая стадия — это грубые кары и награды; на второй — главным средством добывания социально-полезного поведения является эгоистический мотив, заинтересовывающая человека его благополучием, выгодой и пользой (душа капиталистического общества: эгоистический человек Адама Смита и *bonus pater familias* современной политической экономии). На третьей (эпоха социализма) главным мотивом социально-полезного поведения будет мотив чистого долга, категорический императив, преследования блага общества.

Я не могу здесь подробно документировать этот закон достаточным количеством исторических фактов. Ограничусь лишь простой иллюстрацией его на одном-двух примерах, отсылая читателей к своей статье «Законы развития наказаний»*.

Поставим для примера вопрос: какими средствами добивался от человека труд и добросовестное исполнение своих общественных функций, необходимых для жизни каждого общества? Ответ будет таким: в древнейшую пору эти акты добывались путем грубого воздействия наказаний. Говоря это, я разумею

* См. Новые идеи в правоведении. Сб. № 3. 130—140.

период рабско-крепостнического труда. Символ рабства — кнут. Для того чтобы раб работал, за ним стоял надсмотрщик, бывший его при малейшей лености, подобно кучеру, бьющему ленивую лошадь. Недаром же в древнем египетском папирусе говорится: «Послушание человека — на его спине». Те же средства употреблялись (хотя и в смягченном виде) в эпоху крепостничества. И тут, и там эти грубые «раздражители» употреблялись не только по отношению к рабам, но и ко всем группам общества. И от царя, и от воина, и архитектора, и от каждого члена добросовестное исполнение своих обязанностей добывалось карами. «Царь, который безрассудно притесняет своих подданных, читаем мы в «Законах Ману», погибнет и идет по смерти в ад». То же находим и в Библии.

«Если доктор лечил тяжело раненного ... и человек этот умер, пусть ему отрежут руку», «если архитектор построил дом и дом развалился — архитектор присуждается к смерти», значится в Законах Гаммураби. «Если ты будешь слушать глас Господа твоего и исполнять заповеди, то придут на тебя благословения его... Если же не будешь слушать Гласа Господа Бога твоего, то ... проклят ты будешь в городе и на поле. Пошлет Господь на тебя моровую язву, мечь, лихорадку, воспаление и т. д.»*. <Неразборчиво одно предложение>.

Прошли века, и это средство добывания добросовестного исполнения социальных обязанностей исчезает. Оно заменяется другим, менее грубым, а именно: игрой на эгоистических чувствах человека, заинтересовыванием человека собственными его интересами. Безличный законодатель не говорит теперь человеку: «Работай, иначе тебе смерть или каторга», «Исполняй хорошо свои общественные обязанности, иначе у тебя отрежут руку». Ничуть! Он говорит: «хочешь ли ты работать или нет — это твое дело. Но знай, что если ты будешь лениться — ты будешь голодать, нуждаться, бедствовать; если плохо будешь служить, тебя выгонят со службы» и т. д. Эта «мотивация» есть главная мотивация, альфа и омега капиталистического общества. Люди здесь работают, служат, не лодырничают прежде всего и больше всего для того, чтобы «обеспечить» себя и свою семью. Недаром же постулатом политической экономии служит хозяйственно-эгоистический человек.

Наконец, сейчас начинается третий период — период социалистический, где средством добывания альтруистического поведения будет не кара и не эгоистический мотив обеспечения себя, а великий мотив чистого долга, незаинтересованной Заботы о благе общества. Этот период только что зарождается и до его реализации еще очень далеко. Но нет сомнений, что история ведет к этому состоянию культуры.

Таков абрис эволюции средств, путем которых добывалось от человека социально-полезное поведение. Правильность его можно проверить на историческом материале. Этот закон, как и предыдущие, подтверждает ответ, данный выше относительно нравственного прогресса человечества.

Не менее несомненен, на наш взгляд, и закон падения несвободы и опеки над людьми. В древности все были отданы под опеку друг друга, опеку, прости-

* См. Законы Ману. Гл. 7, 111 ст., гл. 8, 304–308, 397 и др. ст. La loi de Hammourabi. Ст. 215, 218 и др. Библия. Второзаконие. Гл. 28 и 30.

равшуюся до права жизни и смерти: дети под опеку родителей (*Jus vitae ac pecis**), младшие — под опеку старших, женщины — под опеку мужчин (*manus mariti***), низшие классы — под опеку высшим, подчиненные — под опеку начальства, царь — под опеку Неба, бога, и подданных и т. д. и т. д. Все были несвободны. Над каждым висел дамокловый меч опеки, готовый каждую минуту обрушиться, связать и поразить опекаемого. И что же? С течением истории эта опека свелась почти «на нет». Женщины почти уравнились в правах с мужчинами, касты пали, сословия — тоже, безграничная опека родителей над детьми рухнула: последние уже не бесправные объекты, *patria potestas**** свелась к минимуму, и то до достижения взрослого периода, исчезли абсолютные монархи, пали кастовые перегородки между подчиненными и начальством. Человечество из состояния всеобщей несвободы и взаимной опеки превратилось в царство всеобщей свободы, равенства и падения опеки****. А этот процесс, несомненно, данный в истории, как я указал выше, служит новым доказательством нравственного прогресса человечества.

Все предыдущее является не чем иным, как свидетельством прослеживаемого нами качественного роста альтруизма и социально-благожелательного поведения людей. К тому же выводу мы пришли бы, если бы подвергли изучению те требования социально-полезного поведения, которые предъявлялись человеку в древних обществах и обществах современных. Первые были очень скромны по сравнению с современными. Теперь стало не дозволяемым многое, на что раньше моральная совесть людей не реагировала. Запретительные нормы прошлого запрещают лишь самые крупные уголовные преступления. Теперь требования богаче, строже и взискательнее. От члена современного общества требуется теперь гораздо больше социально-полезных функций, чем раньше, и запрещается многое, социально-вредное, что раньше не запрещалось. Это можно проследить и на истории власти, и на истории собственности и подданного положения, и на эволюции уголовного права, в особенности норм «об оставлении в опасности» и «неоказания помощи», и на эволюции конвенциональных правил общежития.

Все законы, приведенные сейчас, единогласно говорят, с точки зрения указанных критериев, что нравственный прогресс человечества не мираж, а действительность.

Правда, он совершается очень медленно. Правда, он временами колеблется и отступает назад (что также имеет свою «закономерность»), но в общем и целом поступательный ход истории есть в то же время и путь нравственного прогресса человечества.

* Право распоряжаться жизнью и смертью (*лат., прим. М.В. Ломоносовой*).

** Власть над женой (*лат., прим. М.В. Ломоносовой*).

*** Власть над детьми (*лат., прим. М.В. Ломоносовой*).

**** См. здесь соответствующий материал по истории прогресса женского равноправия, падения власти мужа, отца, падения каст и сословий, исчезновения деспотий и абсолютизма и т. д.

Сорокин П. Существует ли нравственный прогресс человечества?

Поэтому, как бы ни была тяжела действительность наших дней, как бы ни были ужасны те зверства, которые мы видим сейчас, как бы «чувство дня» не подсказывало нам злобного и беспощадного пессимизма, подобно Галилею, мы можем сказать: «Е pur si muove»*, — а все-таки история вертится в сторону нравственного прогресса, а не регресса.

Москва. 1918. 1 июня.

* И все-таки она вертится! (ит., прим. М.В.Ломоносовой).